

НАЧИНАЯ с августа 1856 года, когда в «Русском вестнике» появилась первая «Губернских очерков», подписчики с нетерпением ожидали выхода в свет каждой очередной книжки журнала с продолжением записок отставного надворного советника Н. Щедрина.

В Пензе их с большим интересом читали жившие в одной квартире молодые преподаватели дворянского института В. И. Захаров и И. Н. Ульянов. Первый из них — словесник по специальности — на уроках и на литературных домашних вечерах познакомил Дмитрия Каракозова, Николая Ишутина, Порфирия Войнаральского и других своих воспитанников с «Очерками» безвестного до сих пор писателя.

Илья Николаевич Ульянов преподавал физику и математику, но за литературными новинками, особенно теми, в которых затрагивались злободневные общественные вопросы, он со студенческих лет следил пристально. Он был также активным участником литературных вечеров, проводившихся В. И. Захаровым — «образователем каракозовцев».

Вместе они прочли и ту книжку «Современника», где появилась доброжелательная рецензия Н. Г. Чернышевского на «Губернские очерки». А этот журнал ими был особенно любим.

В 1862 году М. Е. Салтыков-Щедрин, как известно, вошел в состав «Современника». В июне издание журнала было приостановлено на 8 месяцев. В начале следующего года вышел двойной номер, в котором около 200 страниц занимали творения сатирика. А всего в «Современнике» за 1863 год И. Н. Ульянов имел возможность прочесть более 40 печатных листов, принадлежавших щедринскому перу.

После покушения Д. В. Каракозова на царя «Современник» был закрыт навсегда. На два года умолк и голос Щедрина. Но в 1868 году, когда Н. А. Некрасов возглавил «Отечественные записки», Щедрин становится членом редакции, а после кончины Некрасова — редактором журнала.

Семья Ульяновых внимательно следила за всем, что появлялось на его страницах за 70—80-е годы. И уж конечно, мимо внимания не прошли произведения великого сатирика.

Интерес к его творчеству в какой-то мере обуславливался и тем, что Илье Николаевичу и Марии Александровне пензенский край 60-х годов был хорошо знаком. В некоторых «героях» они узнавали реальных прототипов. Не исключено, что инспектора народных училищ Симбирской губернии, давно связанные с Вяткой, рассказывали своему директору и о пребывании там в ссылке будущего писателя.

В то тревожное время (после убийства народовольцами Александра II) в «Симбирской земской газете» появилась статья, авторы которой предложили свои средства для выдачи 100 рублей в награду каждому, кто «задержит злоумышленника», распространяющего «слухи о переделах и даровых наделах крестьянам земли».

М. Е. Салтыков-Щедрин узнал об этом «почине» из петербургской газеты. Опасаясь, что желающих заработать на доносах найдется немало, он с горечью написал: «Ах, эта Симбирская губерния! в старину ее страну отставных корнетов называли. И были эти корнеты невежественные и жестоколюбивые и держали свое знамя высоко, за что и бывали нередко сечены крепостными людьми. А теперь народились у них потомки, и тоже хотят высоко знамя держать...». На тех страницах «Отечественных записок», которые прошли через цензуру, писатель-борец подвергал

доктора Щедрина, его изощренность в «эзоповском» языке не спасли журнала. Не помню, от меня ли первой услышал Саша об этом. Но я передала ему также в этот вечер, что на курсах (Бестужевских. — Ж. Т.) говорили, будто Щедрин арестован. За минуту спокойный и довольный Саша весь потемнел.

— Это такой наглый деспотизм — лучших людей в тюрьме держать! — сказал он негромко, но с такой силой возмущения, что мне стало снова жутко за него».

К счастью, слух об аресте оказался ложным. Михаил Евграфович хотя и более осто-

крыт, но чем могли мы в то время выразить ему сочувствие? Все формы общественно-го проявления были тогда закрыты; единственно признанным было принесение приветствия в традиционный день именин. И молодежь воспользовалась этой форточкой».

Адрес от студентов университета в квартире бывшего Щедрина оставила делегация, в которую входил Александр Ульянов. Анну Ильиничну вместе с другими студентками-бестужевками приняла жена писателя. Но как радовались брат и сестра, когда узнали, что Михаил Евграфович в тот же день прочел приветственный адрес, написанный Анной Ульяновой, и он «показался ему самым прочувствованным, понравился ему больше всех других, полученных в тот день».

В 1886 году, 8 ноября, на квартиру сатирика отправилась общая делегация от студентов высших учебных заведений. В числе этих восьми—десяти человек опять — Александр Анна Ульяновы. На этот раз Михаил Евграфович вышел к ним. Выслушав устное приветствие, он пожал всем гостям руки. Когда очередь дошла до Александра Ильича, вспоминала одна студентка, «он так крепко, от всей души пожал руку Щедрина, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». Смущенный юноша покраснел и извинился. «Ну, ничего, ничего», — сказал тогда добродушно Щедрин.

Через девять дней брат и сестра Ульяновы приняли самое деятельное участие в многолюдной демонстрации, организованной оппозиционными кружками в память 25-летней годовщины со дня смерти Н. А. Добролюбова. Мы хотели, пояснил впоследствии Александр Ильич, отдать почести людям, которых считали «своими учителями», которые завещали нам бороться «с неправдой и со злом русской жизни». К этим учителям, здравствовавшим в то время, наряду с находившимся в астраханской ссылке Н. Г. Чернышевским, конечно, относился и М. Е. Салтыков-Щедрин.

...В «Пошехонской старине» Михаил Евграфович выразил надежду, что «в ряду прочих материалов, которыми воспользуются будущие историки русской общественности, моя хроника не окажется лишней». И он не ошибся. В своем труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, критикуя либеральных народников за пресмыкательство перед царизмом, вспомнил щедринскую сказку «Либрал» и назвал ее метко написанной историей «эволюции российского либерала». В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», вышедшей в 1895 году, Владимир Ильич использует резкий отзыв Щедрина из «Пошехонских рассказов» для разоблачения реакционных экономических взглядов «друзей народа». И позже он нередко цитировал великого сатирика, произведения которого вдумчиво были прочитаны им еще в Симбирске.

Жорес ТРОФИМОВ
УЛЬЯНОВСК

«НАШ ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

Семья Ульяновых и Салтыков-Щедрин

Семья Ульяновых. 1879 г.

Родители: Мария Александровна и Илья Николаевич.

Дети: стоят (слева направо) — Ольга, Александр, Анна; сидят — Мария (на коленях у матери), Дмитрий, Владимир.

уничтожающей критике самодуров-помещиков, представителей чиновничьей бюрократии, буржуазных хищников, трусливых либералов. Об этом Ульяновы читали и в «Русских ведомостях», которые в Симбирске получали на дом.

В феврале и марте 1884 года шесть сказок Щедрина не были допущены к печатанию в «Отечественных записках», а 20 апреля правительство закрыло журнал. Это был тяжелый удар для всех, кому были дороги традиции революционной демократии 60-х годов.

Но именно в эту пору реакции и вместе с тем время жадных поисков правильной революционной теории еще более возрос интерес передовой молодежи к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Формуляр А. И. Ульянова в студенческой читальне Петербургского университета. «Отечественные записки» за 70—80-е годы он брал на дом еще первокурсником. А на четвертом курсе Александр Ильич взял в студенческой читальне три тетрадки журналов, в том числе два номера «Отечественных записок».

О том, как тяжело переживал ее брат гонения на Щедрина и раскоровавшийся им журнал, рассказывает в воспоминаниях Анны Ильиничны Ульяновой. «Опытная рука ре-

можно, но в расчете на умного читателя, понимающего намеки и умеющего читать между строк, неуклонно продолжал в своих статьях и сказках изобличать манеры и ухищрения реакционеров. Ульяновым особенно была близка его критика правительственной политики в деле народного образования. Кто-то, а они-то хорошо знали, насколько прав Щедрин, говоря, что у мракобесов Победоносцева, Каткова, Мещерского и их компании не стремление к распространению знания стоит на первом плане, а глухая боязнь этого распространения».

Как в Петербурге, так и в Симбирске в то время многие произведения Щедрина попали в разосланный по губерниям министерством внутренних дел список книг «обличительного направления», запрещенных для обращения в общественных библиотеках.

И в то же время гениальные творения Михаила Евграфовича пользовались в эпоху 80-х годов особой популярностью у передовой интеллигенции и учащейся молодежи.

Анне Ильиничне навсегда запомнились две депутации к Салтыкову-Щедрину в день его именин 8 ноября 1885 и 1886 годов. «Мы ощутили очень горестно, — писала она, — что наш любимый писатель вынужденно умел, что орган его за-